

Она почти не понимала школьные задания, а если и понимала, то предпочитала писать что попало или вовсе оставлять листы чистыми. Впрочем, в те выходные всё было иначе: мать дежурила у двери спальни, не давая выскользнуть наружу, да к тому же грозилась проверить уроки. Писать абы что не имело смысла, так что Мо Тяньсы даже не пыталась тратить чернила.

Их квартира находилась на первом этаже, поэтому она отчетливо слышала шум детворы, игравшей во дворе, в то время как сама была заперта в четырех стенах и предавалась безделью.

Впрочем, сейчас ей было уже всё равно.

— Не выйдешь поиграть?

Неизвестно, сколько времени она так просидела, но голос заставил Мо Тяньсы очнуться. Маленькая девочка, взобравшись на стопку кирпичей, с трудом дотянулась до подоконника и теперь стучала в окно.

Эту девочку звали Хэ Цзысин. Она была легендарной соседкой — ну, если быть точной, жила прямо напротив. В общем, из тех самых легендарных детей, которых родители вечно ставят в пример своим чадам.

Успеваемость отличная, рисует замечательно, получила первую премию на областном детском фестивале искусств, да и со всеми ладит.

Каждый одноклассник при встрече спешил позвать её поиграть... Эту фразу, пожалуй, стоит взять в скобки, потому что теперь у нас есть Мо Тяньсы. Хотя, если уж быть откровенной, на самом деле они были подругами детства... или чем-то в этом роде. Если отбросить гендерный вопрос, это слово вполне точно описывало их отношения.

У Мо Тяньсы в классе была ужасная репутация — хуже некуда. И дело не в том, что она была замкнутой; почти каждый день она устраивала в классе шумные скандалы.

Она ни с кем не дружила, да и никто не хотел иметь с ней дел. Зато в драках она была куда способнее любого мальчишки. В каждом школьном буллинге она неизменно принимала участие, и на каждом родительском собрании учителя устраивали выволочку её родителям.

Родители были бессильны. Пытались воспитывать — не вышло, пытались ругать и бить — тоже толку ноль. На следующий раз всё повторялось вновь.

Учителя тоже разводили руками: не исключать же её, в самом деле?

Самое удивительное, что она всегда умудрялась дозировать травлю так, чтобы дело не доходило до серьезных последствий. В роли агрессора она была пугающе хладнокровной.

А самой большой загадкой оставалось то, что причиной её нападок, похоже, было простое удовольствие от процесса.

И всё же, несмотря на такую дурную славу — дело дошло до того, что её чуть не отправили к психиатру, — находился человек, который каждый день продолжал звать её поиграть. Это, конечно же, была наша Хэ Цзысин, всеобщая любимица.

Большую часть времени Мо Тяньсы не знала, как вести себя с Хэ Цзысин. Они были словно свет и тьма, и пропасть между ними была глубже любой горной долины.

Хотя сейчас ей было плевать, но в начальных классах Хэ Цзысин была тем человеком, которому она больше всего завидовала и которого больше всего ненавидела. Это чувство никуда не делось.

Каждый раз, когда учитель произносил это имя, Мо Тяньсы машинально впивалась зубами в карандаш.

Почему у неё всё получается?

Всё, о чём мечтала Мо Тяньсы, эта девочка получала легко и непринужденно.

Мо Тяньсы искренне завидовала Хэ Цзысин. И пусть в душе клокотала ненависть, если копнуть глубже, она, вероятно, втайне восхищалась ею.

Будучи соседкой по дому, Мо Тяньсы с самого детства слышала это имя из уст собственной матери.

Умная, послушная — разве не о таком ребенке мечтают все родители? Разве можно не хвалить такую девочку?

Если бы... если бы только её тоже хоть раз похвалили. С такими мыслями Мо Тяньсы долгие годы следовала по пятам за Хэ Цзысин.

Впрочем, всё это было до того, как она пустилась во все тяжкие. А для нынешней Мо Тяньсы...

— А? Не пойду.

Мо Тяньсы собиралась задернуть шторы, но в последний момент остановилась. Не только не задернула, но и распахнула окно, которое до этого было приоткрыто лишь на щелочку.

— Ты уроки сделала?

— Угу.

— Дай списать.

— М-м... нет, это не получится.

— О, почему?

— Э? Сяо Мо, ты что, не умеешь сама писать?

— Не отвечай вопросом на вопрос. Перекидывать проблему на другого — это невежливо.

— О-о, тогда...

— Слышь, отойди, я через окно вылезу.

— А? Ты же сказала, что не выйдешь.

— Я сказала, что не пойду играть. А вылезать — вылезу. И еще: мать за дверью, а звукоизоляция здесь так себе.

— Понятно...

Хэ Цзысин понизила голос и послушно спрыгнула с кирпичей. Мо Тяньсы подпрыгнула в комнате, зацепилась левой ногой за подоконник, с силой оттолкнулась руками и взобралась наверх. Осторожно выставила правую ногу, нащупывая кирпичи.

При приземлении она чуть не потеряла равновесие, но прежде чем она успела упасть, её подхватили. Разумеется, это была Хэ Цзысин — а кто еще мог здесь быть?

Однако в следующую секунду на Хэ Цзысин напрыгнула собака. Поскольку та всё еще держала Мо Тяньсы, они обе кубарем покатались вниз.

В момент падения Мо Тяньсы на секунду показалось, что череп сейчас треснет. К счастью, обошлось без кровавой драмы: Хэ Цзысин была не из низких, так что кирпичей хватило, чтобы дотянуться до окна.

Но после падения Мо Тяньсы еще долго лежала без движения, онемев от боли.

Ну вот, теперь точно шишка будет.

Осознав, что если мать заметит это по возвращении, ей несдобровать, Мо Тяньсы... решила ничего не предпринимать. В конце концов, она привыкла пускать всё на самотек.

Хэ Цзысин же чувствовала себя вполне сносно — в конце концов, под ней был живой матрас. Поняв, что упала, она тут же вскочила и принялась отряхивать одежду. Собаке тоже ничего не сделалось: ведь под ней было целых два живых матраса.

— ...Твоя собака, она что, ненормальная?

После долгого молчания Мо Тяньсы, всё ещё не в силах встать, с трудом выдавила из себя вопрос.

— Ой, ну... как сказать. Прости, пожалуйста. Собака не умеет говорить по-человечески, так что я извинюсь за неё, ладно?

— Делай что хочешь. Слушай, помоги мне встать, а? Как тебе вообще было использовать меня в качестве амортизатора, а?

— А, да, конечно.

Хэ Цзысин присела, взяла Мо Тяньсы за руки и попыталась подтянуть. Однако сколько бы она ни старалась, сил у неё не хватало.

— ...Ты что, издеваешься?

Мо Тяньсы была в недоумении. Она чувствовала, что это был самый «кооперативный» момент за последние годы, но всё, что она ощутила — это легкий рывок за руки.

— Э-э... извини?

— Ладно, сама справлюсь.

Видя, как Хэ Цзысин покраснела от натуги, Мо Тяньсы с досадой вздохнула. После того как прошло столько времени, боль в суставах уже немного утихла.

Преодолевая боль, она встала, но снова пошатнулась, едва не упав. Хэ Цзысин потянулась было помочь, но Мо Тяньсы отмахнулась и прислонилась к стене.

— Лучше иди со своей собакой разберись! Собака!

Услышав это, Хэ Цзысин, словно что-то вспомнив, повернулась и принялась гладить пса по

шерсти.

— Слушай, ты что, так сильно любишь эту собаку?

— Ну, я вообще люблю всех собак. Больше всего на свете.

— ...Кстати, а твоя собака, она что, может гулять без поводка?

— Да всё нормально, она очень послушная.

— ...Ясно.

— А? Что ясно?

Хэ Цзысин не поняла и остановила руку, поглаживающую пса. Мо Тяньсы оттолкнулась от стены и медленно подошла к собаке, пока Хэ Цзысин всё еще сидела в недоумении, склонив голову набок.

Внезапно Мо Тяньсы вцепилась псу в горло и с силой вырвала его из рук Хэ Цзысин.

— Что я поняла? Конечно же, я поняла, что это для тебя очень важная вещь.

— Эй! Сяо Мо, ты что делаешь!

Хэ Цзысин протянула руки, пытаясь отобрать пса, но где ей было тягаться с Мо Тяньсы.

— А? Что я делаю? Слышь, паинька, собаку нужно водить на поводке. Ты вообще о чем думаешь? Не знаешь, что это доставляет неудобства окружающим? Господи, да тебе самой-то удобно? Твои домашние вообще за этим следят?

Собака в воздухе забилась и заскулила, так как её перехватили за шею.

— Разве не говорят, что шея — самое уязвимое место у собак? Чего она всё еще скулит? Бесит.

Уворачиваясь от Хэ Цзысин, пытавшейся отобрать питомца, Мо Тяньсы сжала пальцы сильнее.

Наконец, собака затихла.

— О! Наконец-то.

Она разжала ладонь, и пес безвольно рухнул на землю.

— Не хочешь проверить? Вдруг еще жива?

Слова, слетевшие с уст Мо Тяньсы, были полны издевки и не оставляли надежды, но Хэ Цзысин всё равно бросилась на землю, поглаживая неподвижное тело.

Прошло время, но пес не подавал признаков жизни. Даже дурак понял бы, что встать он больше не сможет.

Девочка, сидя на корточках, уткнулась лицом в колени и зарыдала.

— Пфф.

В контрасте с этим раздался вызывающий смех девочки, стоявшей рядом.

Да, наблюдать за тем, как другие страдают, злятся и впадают в отчаяние из-за потери чего-то важного — это заставляло её чувствовать, что они с ней существа разного уровня. Она была выше, она была той, кого подобные мелочи больше не могли заставить волноваться.

Она понимала: терять голову из-за таких пустяков — глупость. И оттого, что другие опускались до такого, ей становилось весело.

Это чувство превосходства — последнее, что осталось у девушки, решившей расстаться со всем важным и ожидаемым.

Точно. Впредь надо будет развлекаться, чтобы скрасить эту невыносимо скучную жизнь.

Надо будет снова разрушить что-то важное для кого-то другого.

Так подумала Мо Тяньсы.

Хань Моси пыталась найти женщину в черном, но та — надо отдать должное — идеально сливалась с ночной темнотой. Вскоре Хань Моси окончательно потеряла её из виду.

Она прикинула: если женщина в черном где-то поблизости и не собирается шуметь, найти её невозможно. В итоге Хань Моси вернулась по своим следам.

К счастью, перочинный нож всё еще лежал там. Интересно, если она не выбросила его нарочно, то получается, она даже не заметила, что он выпал? Или вообще не поняла, что потеряла его?

В любом случае, для профессионала это непростительно.

Подумав так, Хань Моси подняла нож. Если женщина в черном вспомнит, где его обронила, то наверняка вернется, и тогда они смогут встретиться.

В момент касания рукояти Хань Моси внезапно ощутила странную знакомость, словно уже держала в руках нож той же модели.

Она не была суперчеловеком и не могла помнить ощущения от всех ножей, которые когда-либо трогала. Очевидно, она имела дело с таким же ножом совсем недавно — от силы часа три назад. Это предел её кратковременной мышечной памяти.

Значит, было ясно, с каким ножом эта модель идентична.

Она достала из кармана нож, полученный от гадалки-должницы, и сравнила их. Точно, одна и та же модель.

Раньше она не заметила, потому что ей было плевать на вид какого-то там перочинного ножа. Но мышечная память оказалась куда надежнее визуальной.

Ненадежная женщина в черном и ненадежная гадалка — в голове Хань Моси уже возникло несколько догадок об их связи. Хотя, может, это просто совпадение. В конце концов, если бы женщина в черном была приспешницей гадалки, закупать ножи оптом было бы глупо.

Хотя, зная их обеих, такую глупость они вполне могли совершить.

А как проверить? Конечно, нужно просто дождаться появления женщины в черном. Прямой вопрос вряд ли даст ответ, но ведь есть допросы, намеки и куча других способов.

Через некоторое время в кустах послышался неестественный шорох — не от ветра, а от шагов человека.

— Эй! Ты! Нож не здесь потеряла?

Хань Моси крикнула во весь голос, хотя понимала, что это может привлечь нежелательное внимание.

Однако это сработало: фигура в кустах вышла на свет.

На таком расстоянии наконец-то можно было разглядеть человека. Как и ожидала Хань Моси, это была та самая женщина в черном.

Но как только та подошла, Хань Моси вдруг не нашлась, что сказать.

— Э-э... твой нож — этот, золотой, или вот этот, серебряный?

Хань Моси наконец выдавила из себя вступительную фразу. Женщина в черном слегка подняла голову, и под капюшоном блеснули глаза, полные недоумения.

Сцена снова стала неловкой. Хань Моси мысленно выругала себя: может, стоит почитать что-нибудь про искусство красноречия? Зачем она начала с этой сказки про речного духа? Здесь даже такой истории, скорее всего, не существует.

— Кхм, ладно, скажу прямо. Этот нож твой. А чей тогда другой?

Хань Моси протянула ей один нож, а другой достала сама, ловко щелкнула лезвием и сложила его обратно.

— ...Не знаю. Может, случайно купили одинаковые?

Женщина в черном хотела забрать нож, сохраняя полное отсутствие эмоций на лице. Но Хань Моси, хоть и делала вид, что протягивает вещь, крепко сжимала рукоять, не давая забрать её.

Хань Моси не была готова так легко поверить.

— Тогда спрошу прямее: ты знаешь гадалку по имени Цань?

— ...Не знаю.

Ответ был таким же, как и в прошлый раз, но Хань Моси уловила нюанс.

Конечно, можно было понять это как «не знаю этого человека», но обычно, когда спрашивают: «Ты знаешь того-то?», человек инстинктивно отвечает: «Не знаю такого», а не просто «Не знаю».

Хотя, учитывая, что эта особа теряла память, возможно, она просто жила в среде, где никто ни с кем не разговаривал, и у неё не выработались рефлексы или специфические речевые привычки. Так что Хань Моси не могла быть уверена, что здесь что-то не так.

В любом случае, «не знаю» лучше, чем молчание, — по крайней мере, разговор не заходит в тупик. Хань Моси почувствовала, что теперь сможет допросить её как следует.

— ...Короче, спрошу прямо: вы вдвоем купили эти ножи вместе?

Этот вопрос по сути лишь объединял два предыдущих. В каком-то смысле, дойдя до такой прямоты, она теряла возможность действовать окольными путями.

Впрочем, Хань Моси и не собиралась действовать хитро.

Во-первых, женщина в черном была хоть и с амнезией, но не дурой. С её-то навыками ведения диалога (если уж на то пошло, все очки навыков были вложены в «блеф») она могла только запутать саму себя. Хань Моси трезво оценивала свои умственные способности.

— Нет. Этого человека, о котором ты говоришь, я вообще не знаю.

...Ответ был предсказуем, но показалось ли ей, или эта женщина стала говорить чуть больше, чем в прошлый раз?

Только вот это лишь мешало её планам...

Прежде чем обдумывать следующую фразу, Хань Моси сначала размышляла над ответом.

Оставались угрозы и подкуп. Подкуп отпадал сразу: у неё ничего не было, чтобы заинтересовать эту особу. Нож, конечно, был у неё в руках, но это всего лишь перочинный нож — если нужно, женщина в черном могла купить новый. Сейчас она искала его, скорее всего, только из-за спешки.

...Хотя, может, не стоит употреблять слово «спешка». Вдруг, если она сейчас заберет нож и скажет «не отдам», та просто развернется и завтра купит себе другой, более надежный.

Угрозы... это крайняя мера. Несмотря на то что в прошлый раз они разругались, сейчас атмосфера не выглядела как враждебная. К тому же из-за Мо Тяньсы, которая в любой момент могла ударить в спину, портить отношения окончательно было неразумно. К тому же, если это просто совпадение, будет неловко. Первоочередная цель — убедиться, что женщина в черном говорит правду, а не заставить её признаться, что нож принадлежит Цань.

Раньше всё казалось таким простым, а на деле — сплошные трудности.

...Точнее, заставить человека сказать правду и убедиться, что он говорит правду — это две разные вещи. Черт, она не учла это заранее.

— Эй, так получается, вы просто купили одинаковые ножи? Какое совпадение. Или, может, такие ножи сейчас в моде? Пфф-ха-ха, да ну, быть такого не может. Раз вы такие «родственные души», может, познакомить вас? Нож я пока придержу, а когда буду её видеть, передам ей. Что, не к спеху? Кстати, ты ведь обычно обитаешь в том заброшенном здании, верно?

Напоследок Хань Моси попыталась блефануть, чтобы увидеть реакцию. Но, глядя на бесстрастное лицо женщины, почувствовала себя полной идиоткой.

— Хорошо, пусть будет так. Прощай.

Женщина в черном разжала пальцы, отпуская нож, и собралась уходить.

...Неужели и правда совпадение? Если судить по такой реакции.

Хотя она допускала такую возможность, Хань Моси всё еще не хотела в это верить.

— О-о, ну тогда до встречи? Я захвачу конфеты, наверное.

Хань Моси помахала ей вслед.

— ...Какие конфеты?

Женщина в черном была озадачена.

— Ну, те, о которых я говорила. Мы же теперь «в одной лодке», верно? Да, кстати, раз уж я связалась с такой ненадежной особой, ты ведь поможешь мне, если я попаду в беду?

— ...Нет.

— Что значит «нет»? Дай нормальный ответ, пожалуйста. «Да» или «нет», выбери что-то одно.

— ...Нельзя.

— Да почему?! А?!

— ...Потому что у меня нет оснований помогать. Я должна... убить вас всех, чтобы вернуть память.

— Хотя до сих пор никого не убила?

— ...

Женщина в черном замолчала, не проронив ни слова. Хань Моси продолжила:

— И механизм исполнения желаний тоже какой-то странный. Ты ведь уже поняла, что это всё фальшивка, да?

— Даже если так, я всё равно...

— Я же говорю, ты до сих пор никого не убила. Мне что, сказать, что ты слишком слабая или слишком непрофессиональная? Как можно убивать перочинным ножом, да еще и терять его?

— ...Делай что хочешь.

— Мне кажется, у тебя просто нет решимости убивать. На самом деле ты этого совсем не хочешь, да?..

— Нет.

Не успела Хань Моси договорить, как женщина в черном перебила её. Это действительно удивило Хань Моси, ведь она впервые видела, чтобы та вступала в диалог.

— ...

<http://bllate.org/book/18604/1791504>